

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-156-173>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)52

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. А.В. Шаравин
г. Брянск, Россия

© 2025 г. О.Е. Вороничев
г. Брянск, Россия

© 2025 г. И.Л. Старцева
г. Брянск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ИДИОГЛОССЫ «БИЛЕТ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: В статье рассматриваются возможные причины и обстоятельства эволюции идиоглоссы билет во 2-й половине XIX в. и обретение ей ментально и эпохально значимого статуса. Приводятся аргументы в пользу того, что главную роль в этом процессе сыграло широкое употребление слова Ф.М. Достоевским, в произведениях которого даны классические образцы художественного использования слова билет в различных вариантах его лексической сочетаемости, раздвинуты границы семантического поля лексемы. Приводятся логические и историко-культурные аргументы в подтверждение выдвинутой гипотезы, основанные на анализе фрагментов произведений, дневников и писем писателя, а также материалов статьи «билет» в «Словаре языка Достоевского. Идиоглоссарии» Ю.Н. Караулова. При этом основное внимание фокусируется на метафорическом использовании Достоевским семантических вариантов лексемы билет, сыгравшем главную роль в повышении уровня общезыковой значимости идиоглоссы.

Ключевые слова: идиоглосса, лексическое значение, семантика, возвращенный билет, культура, метафора, символика, менталитет, Ф.М. Достоевский.

Информация об авторах:

Андрей Владимирович Шаравин — доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, д. 14, 241036 г. Брянск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1282-4229>.

E-mail: ekllier@mail.ru

Олег Евгеньевич Вороничев — доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра методики начального образования и педагогического менеджмента, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, д. 14, 241036 г. Брянск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7983-9025>

E-mail: voonid@mail.ru

Ирина Леонидовна Старцева — кандидат педагогических наук, доцент, доцент, кафедра русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, д. 14, 241036 г. Брянск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-7376-8769>

E-mail: kafedra338@mail.ru

Дата поступления статьи: 12.03.2024

Дата одобрения рецензентами: 17.12.2024

Дата публикации: 25.03.2025

Для цитирования: Шаравин А.В., Вороничев О.Е., Старцева И.Л. Эволюция идиоглоссы «билет» в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник славянских культур. 2025. Т. 75. С. 156–173. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-156-173>

Есть достаточно веские основания полагать, что в XIX в. лексема *билет* характеризовалась более широким семантическим полем, чем в современном нам русском языке¹. В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и Словаре русского языка А.П. Евгеньевой зафиксированы 4 узуальных значения (одно из них — «бумажный денежный знак» — помечено в МАС-2 как устаревшее), следовательно, в наше время семантический спектр слова фактически сузился до 3 словарных значений [7, с. 47; 8, т. 1, с. 90]². Диапазон значений и семантических оттенков лексемы в русском языке XIX столетия расширился до такой степени, что она могла претендовать на статус ментально и эпохально значимой идиоглоссы, определяемой как «сгусток культуры в сознании человека» [13, с. 40]. И, как нам представляется, ключ к пониманию того, почему именно к концу XIX в. слово *билет* обрело этот ментальный ореол, утраченный в советскую эпоху³, следует искать в языке произведений Ф.М. Достоевского, поскольку язык писателей такого уровня, как Пушкин или Достоевский, способен не только отражать, но и преобразовывать современную им речевую действительность, давать образцы лучшего употребления, т. е. совершенствовать национальный русский язык.

В Этимологическом словаре М. Фасмера *билет* отмечено как появившееся в русском языке с 1720 г. из франц. *billet* «билет, записка» при посредничестве «польск. *Bilet* или нем. *Billet*» [15, т. 1, с. 576]. Согласно Словарю русского языка XVIII в., лексема

¹ Мы имеем в виду *современный русский язык* не в широком понимании этого термина: «от Пушкина до наших дней», а только верхнюю границу понятия: язык постсоветской эпохи и первой четверти XXI в.

² 1. Документ, удостоверяющий право пользования чем-н. — разовый или на определенный срок. *Железнодорожный б. Сезонный, месячный б. <...> Б. на поезд, самолет <...> Б. в театр, цирк <...>*. 2. Документ, удостоверяющий принадлежность к какой-л. организации, партии, отношение к каким-л. обязанностям. *Партийный б. <...> Военный б.* 3. Бумажный денежный знак. *Б. государственного банка. Кредитный билет* (то же, что банковский билет). 4. Листок, карточка с каким-н. текстом. *Пригласительный б. Экзаменационный б. <...> Лотерейный б.* [7, с. 47; 8, т. 1, с. 90].

³ В толковом словаре Ушакова, отражающем лексический состав русского языка довоенного времени (1935–1940 гг.), у лексемы отмечено только одно — «универсальное», недифференцированное — узуальное значение: «документ небольшого формата, выдаваемый в удостоверение определенного права. *Лотерейный, театральный, железнодорожный билет. Входной билет. Билет на получение чего-нибудь. Билет на право чего-нибудь*» [14, т. 1, с. 140], что может свидетельствовать о резком сужении семантического поля в период после октября 1917 г. (ушло из активного употребления «финансовое» значение слова и его семантические оттенки) в связи с восприятием лексемы *билет* отчасти как «старорежимного» атрибута речи аристократического, купеческого и мещанского сословий, несущего на себе печать «позорного капиталистического прошлого» в таких выражениях, как *желтый билет, кредитный билет, ломбардный билет, депозитный билет, визитный билет, белый билет, скорбный билет* и т. п.

билет имела в тот период два основных значения с различными семантическими оттенками: 1) «бумага, записка, жетон какого-л. назначения (бумага с официальным распоряжением, приказом)»; «пропуск, разрешение (для проезда, прохода, вноса чего-л.)»; «пропуск на какое-л. зрелище, увеселение; письменное приглашение куда-л.»; «свидетельство о чем-л.»; «письменное объявление, сообщение», «квитанция», «записка, короткое письмо», «бумажка с какой-либо пометой, номером»); 2) «денежный бумажный знак; ценная бумага» [9, с. 22–23].

Многообразие семантических оттенков предопределило возможность их дальнейшего обособления, подтверждение чему находим в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой, где зафиксировано наибольшее количество (7) узуальных значений лексемы *билет*, которыми она обладала на протяжении своей семантической эволюции (пиком этого процесса стала 2-я половина XIX в., т. е. эпоха Достоевского), и 4 из которых затем перешли в пассивный лексический запас, т. е. являются устаревшими (семантическими архаизмами и историзмами) в лексике современного нам русского языка:

4. Бумажный денежный знак. 5. Листок, карточка с текстом определенного назначения.
6. Квитанция, удостоверяющая посещение врача, учителя и т. п. и служившая документом при оплате» (в Российском государстве до 1917 г.). 7. Документ, заменявший паспорт, дававший право на жительство, выезд и т. п. (в Российском государстве до 1917 г.) [4, т. 1, с. 168].

К середине XIX в. количество узуальных словарных значений лексемы *билет* значительно возросло и расширился спектр семантических оттенков, что в частности «привело к образованию большого числа составных наименований, различающихся по способам и формам связи» [2, с. 163]. Дефиниция в Словаре церковно-славянского и русского языка: «Письменный или печатный вид, выдаваемый для засвидетельствования чего-либо» [10, т. 1, с. 46] (ср. у Даля: «вообще письменный вид» [1, т. 1, с. 88]) говорит о том, что *билетом* стали называть уже практически любой бумажный лист с письменным или печатным текстом справочного характера или что-либо удостоверяющим: статус или род занятий лица, его права и обязанности, принадлежность к какой-л. организации, профессиональному сообществу или социальной группе; возможность посещения им чего-л. или получения платы за услуги; участие в лотерее, наличие кредитных или долговых обязательств, право проезда в транспорте, номинал банкноты и т. д.

Расширению семантического поля лексемы *билет* и обретению ею к концу XIX в. ментально и эпохально значимого статуса во многом способствовала популярность творчества Ф.М. Достоевского, языка его произведений, знаменующего собой «отдельный, самостоятельный этап развития русского литературного языка, — этап, который воплощает особенности переходного периода от языка русской классики к современному русскому литературному языку» [6, с. IX].

Слово *билет* является одним из наиболее частотных в писательском наследии Достоевского (встречается 190 раз), при этом большинство — 115 — употреблений находим в художественных текстах (кроме того, 8 раз встречается производное субъективно-оценочное *билетик*, в черновиках к произведениям — 13; в комментариях к 1–17 томам — 27 раз); 28 — в публицистических (плюс 1 раз слово *билетик* и 2 раза *билетник*, в черновиках — 13 раз; в комментариях к 18–27 томам — 26 раз плюс 1 раз слово *билетик* и 2 раза *билетник*); 47 (и плюс 2 раза *билетик*) — в личных и официальных письмах (комментарии 7 раз и кроме того 2 раза в комментариях слово *билет-*

ник), и только одно — в деловых бумагах: доверенности П.Г. Кузнецову на получение «денежных писем» (= переводов) и посылок. Высокий индекс частотности лексемы *билет* позволил включить ее в «Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий» как одну из наиболее значимых для писателя *идиоглосс* — сложных тезаурусообразующих единиц когнитивного плана, «в лексикографическом описании которых синкретически объединены лексическая семантика и знания о мире» [6, с. X].

В текстах Достоевского в первую очередь обращает на себя внимание широта семантического поля лексемы *билет*. Лексема *билет* сочетается у Достоевского с самыми разнообразными существительными — как нарицательными, так и собственными — в различных падежных формах: *делегата, внутреннего займа, лотерейного займа, во сто рублей, в театр, в Павловск, в концерт* (ср. с современным *на концерт*), *на бенефис, для входа на вечер, для выезда за границу, на жительство, на поезд, на пропуск в ванны, на церемонию, на заседания, на получение* [«Отечественных записок»], *на Базунова, на Гирша* и т. п.

При анализе зоны сочетаемости с именами прилагательными выясняется, что существительное *билет* употребляется писателем чаще в сочетаниях с относительными прилагательными преимущественно из финансово-деловой сферы, в том числе в устойчивых сочетаниях: *рублевый, русский кредитный, 50-франковый, тысячефранковый, десятирублевый, входной трехрублевый, двадцатипятирублевый, радужный кредитный* (здесь слово *радужный* имеет не прямое, но все-таки относительное значение; оно обозначает не столько цвет, сколько достоинство денежного знака: *радужной* называли сторублевую купюру с изображением Екатерины II, поэтому ее также называли «катенькой»⁴, *банковый, пяти тысячный пятипроцентный безыменный, посемейный* (сочетание *билеты посемейные* встречается только в «Бесах» Достоевского), *временный* и т. д. Нередки сочетания и с качественными прилагательными: *дрянной, обыкновенный, особый, последний, почетный, старый, фальшивый, разные* и др.; с причастиями: *заложенный, извещающий, посланный, принадлежавший* и пр.

Широта семантического поля лексемы особенно заметна в сочетаниях с глаголами: *не дать, не добыть, не оказаться, не принимать, не доставать, взять, провести, по билету поехать, получать, взять и подать, возвратить, вынуть, держать, достать, завернуть, заложить, иметь, отдать, отобрать, показывать, положить, получить, послать, попросить, прибить, принести, проиграть, протянуть, разменять,*

⁴ Ср. с другими аналогичными случаями перехода качественных прилагательных в относительные: *желтенькой* называли купюру достоинством 1 рубль (ее также метафорически — по цветовому признаку — называли *канарейкой*), *зеленькой* — 3 рубля (например, в «Преступлении и наказании» чиновник с орденом дал Катерине Ивановне трехрублевую зелененькую кредитку), *синенькой* — 5 рублей (по созвучию в шутку ее называли еще *синицей* или *синюхой*), *красенькой* — 10 рублей (ее же называли *краснуха* и — метафорически — *рак*, что отражено у Достоевского в «Записках из мертвого дома»: *А я теперь за сто раков не соглашусь. Вот на пробу давай сейчас сто раков — не соглашусь* (т. е. за 1000 рублей), *беленькой* — 25 рублей, *серенькой* — 200 рублей [16, с. 57–58]. Эти цвета бумажных денег (на купюрах от 1 рубля до 10) по традиции сохранялись и в советскую эпоху, но альтернативное синонимическое наименование качественно-относительными прилагательными в речи уже не использовалось. Следовательно, слова *радужная, синенькая, красенькая, беленькая* и др. в значении «купюра определенного номинала» с позиций современного русского языка следует квалифицировать как лексико-семантические архаизмы и как архаизмы времени — в произведениях Достоевского. Например, такой архаизм встречаем в романе «Братья Карамазовы» в эпизоде, где Смердяков поднимает «три радужных бумажки», которые обронил «на собственном дворе, в грязи» Федор Павлович Карамазов, а также в романе «Бесы», когда Шатов достает «радужный кредитный билет», чтобы вернуть долг Ставрогину [17, т. 10, с. 192]).

брать, выдавать, выхлопывать, загребать, комкать, менять, объяснить, подделывать, продать, раздавить, разменять, разобрать, расхватать, раздать, выпросить и вымолить, сжечь, спрятать, схватить, устроить; внести за билет [деньги], заплатить, про билет говорить, билетом почтить, высылать, набивать карманы, расплатиться, за билетом приезжать, за билетами броситься, с билетом идти, о билетах хлопотать и др.

В идиоглоссарии отмечены только 2 лексических значения лексемы *билет* в произведениях и письмах Достоевского: 1. Бумажный денежный знак. 2. Документ, удостоверяющий право пользования чем-л. (обычно за плату). Однако 1-е значение, на наш взгляд, все же неоправданно сужено до «денежного знака», т. е. бумажных денег, в то время как в эпоху Достоевского *билетами* называли не только бумажные купюры разного достоинства (номинала)⁵, но и облигации внутреннего государственного займа, из которых наиболее популярными были пятипроцентные сторублевые (у Достоевского они неоднократно упоминаются, например, в «Преступлении и наказании» и «Игроке»), приносявшие 2 раза в год пять процентов дохода и — в момент ежегодно проводимого розыгрыша — дававшие шанс выиграть в лотерею (поэтому билеты государственного займа синонимически назывались *лотерейными*) очень крупную по тем временам сумму — до 200 тысяч рублей. Особенно ценились *билеты* (облигации) новейшего, последнего займа. Они считались наиболее надежными, так как не могли быть в скором времени погашены государством — иными словами, *выйти в тираж* (исконное, буквальное значение этого фразеологизма также входило в семантическое поле лексемы *билет*!) и тем самым лишить владельца дохода и возможности выигрыша.

Именно такие билеты, а не обычные «бумажные денежные знаки» во многих случаях имеют в виду герои Достоевского и он сам в ряде писем, что подтверждают и примеры из идиоглоссария: «*Насоветовавшись с своей муттер, он [немец] потребовал за своего крокодила пятьдесят тысяч рублей билетами последнего внутреннего займа с лотереєю, каменный дом в Гороховой и при нем собственную аптеку и, вдобавок, — чин русского полковника*» [17, т. 5, с. 200]. Прилагательное *последнего*, подчеркивающее непомерно завышенные требования предприимчивого немца, усиливает ироническую экспрессию в данном контексте и рассказе «Крокодил» в целом. Ср. в романе «Идиот»: «*Но другие говорили, что наследство получил какой-то генерал, а женился на заезжей французженке и известной канканерке русский купчик и несметный богач, и на свадьбе своей, из одной похвальбы, пьяный, сжег на свечке ровно на семьсот тысяч билетов последнего лотерейного займа*» [17, т. 8, с. 150]; [11, с. 150]; в письме П.А. Исаеву 10 (22) декабря 1869 г.:

Жена третьего года отсюда же посылала доверенность матери для продажи билетов 1-го внутреннего займа и написала только три строчки, и все обошлось прекрасно [17, т. 29, кн. 1, с. 82].

Вторая дефиниция — «Документ, удостоверяющий право пользования чем-л. (обычно за плату)» — также представляется слишком универсальной, поскольку в ней не учитываются все нюансы «нефинансового» употребления лексемы. Например, *билет*

⁵ Вместо бумажных ассигнаций с 1843 г. в связи с установлением твердого курса серебряного рубля были введены в обращение государственные *кредитные билеты*, с надписью: «Предъявителю выдается из разменных касс (далее указывался номинал — напр., 1 рубль. — *О.В., А.Ш.*) звонкою монетою». Прежние бумажные деньги подлежали обмену на кредитные билеты, обеспеченные серебром, по курсу 3,5 рубля ассигнациями за 1 рубль кредитный. Следовательно, устойчивое сочетание *кредитный билет* в эпоху Достоевского стало синонимическим по отношению к сочетанию *банковский билет*.

в театр, суд, на поезд, пароход, на выезд за границу или на бал в дворянском собрании в целом подходит под категорию «пользование за плату» (какими-либо услугами), но под нее вряд ли может быть подведен билет-жеребий, билет-паспорт и любой другой билет, удостоверяющий личность, ее статус, род занятий, права и обязанности, принадлежность к какой-л. организации или социальной группе; тем более билет, удостоверяющий право не пользования какими-либо услугами за плату, а, напротив, получения лицом (врачом, учителем и т. п.) платы за его услуги. Здесь более точны и конкретны Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой (см. выше 5–7-е значения) и Словарь языка Пушкина, в котором даны 5 достоверных для значений лексемы *билет*, в том числе следующие два, отдельно не зафиксированные в словаре Даля и Словаре церковно-славянского и русского языка: 4. Удостоверение, пропуск (4). «*Часовой принял от меня билет и отправился к коменданту*» [18, т. 8, кн. 1, с. 464]; «*К Бибикову являлось в день до четырех тысяч раскаявшихся крестьян; им выдавали билеты, и всех распускали по домам*» [18, т. 9, кн. 1, с. 44]. 5. Бумажка, с какой-н. пометой, номером (1).

Начнем сызнова; кинем жеребий, кому стрелять первому. — Наконец мы зарядили еще пистолет: свернули два билета; — я вынул опять первый номер [18, т. 8, кн. 1, с. 74]; [12, т. 1, с. 99].

У Достоевского словоупотребления в этих значениях находим в «Дневнике писателя» и «Преступлении и наказании» (из примеров в идиоглоссарии):

Всякий знает, что такое чиновник русский, из тех особенно, которые имеют ежедневно дело с публикою <...>. Это нечто высокомерное и гордое, как Юпитер. Особенно это наблюдается в самой мелкой букашке, вот из тех, которые сидят и дают публике справки, принимают от вас деньги и выдают билеты и проч. Посмотрите на него, вот он занят делом, «при деле»: публика толпится, составил хвост, каждый жаждет получить свою справку, ответ, квитанцию, взять билет [17, т. 23, с. 75];

В третьем этаже, по всем приметам, квартира, что прямо под старухиной, тоже пустая: визитный билет, прибитый к дверям гвоздочками, снят — выехали! [17, т. 6, с. 61].

Очевидно, что в первом из приведенных примеров лексема *билет* обозначает справку, некое удостоверение личности, выдаваемое «мелким» чиновником (следовательно, здесь слово *билет* несет печать общего иронического контекста), а в последнем случае в сочетании с *визитный* имеет еще одно конкретное, не отмеченное словарями, но эпохально достоверное значение «табличка с указанием имени (и, возможно, социального статуса) проживающего по данному адресу лица», в еще большей степени расширяющее наше представление о возможностях и диапазоне лексической сочетаемости данной лексемы в эпоху Достоевского.

В произведениях Ф.М. Достоевского постепенно расширялось семантическое поле слова *билет* и увеличивалась частотность его употребления. В прозе 1846–1847 гг., входящей в первый том ПСС писателя («Бедные люди», «Двойник», «Роман в девяти письмах», «Господин Прохарчин», «Хозяйка» и др.), данная лексема не зафиксирована (только использована 4 раза в комментариях). А вот в повестях и рассказах 1848–1859 годов она используется писателем девять раз («Белые ночи» — 2 раза (и еще 2 раза в вариантах к произведению), «Неточка Незванова» — 5 раз). *Билет* и в «Белых ночах», и в «Неточке Незвановой» выступает в качестве значимого для сюжета мотива: играет судьбоносную роль в жизни героинь. *Билет* на оперу «Севильский цирюльник» вызо-

вет зарождение любовного чувства Настеньки к жильцу. А «пригласительный билет» в «залу», где будет выступать «знаменитый С-ц», предопределяет воспитание Неточки Незвановой в семействе «князя Х-го» [17, т. 2, с. 181]. Метафорическое значение данного слова, как и образно-символическое, только намечается, в большей степени актуализируясь романтической атмосферой произведений. Повышение уровня актуальности слова до статуса концепта невозможно без обретения словесным образом знаковости, глубины философского мышления, эмблематичности. В романе «Село Степанчиково и его обитатели» слово *билет* употребляется писателем 4 раза (и еще один раз в комментариях составителей). В этом произведении формула отказа от денежных билетов дискредитирована фарисейством и лицемерием Фомы Опискина. Парадоксально, но в отказе от билетов, в данном случае денежных, Фома Опискин относительно искренен: в сравнении с тайной властью над обитателями села Степанчиково деньги для него вторичны. Возвышенная картина поправки билетов, созданная богатым воображением Опискина, — фикция, подкреплённая его актерской игрой:

Завтра же уйду от вас. Рассыпьте ваши миллионы, устелите весь путь мой, всю большую дорогу вплоть до Москвы **кредитными билетами** — и я гордо, презрительно пройду по вашим **билетам**; эта самая нога, полковник, растопчет, загрязнит, раздавит эти **билеты**, и Фома Опискин будет сыт одним благоденствием своей души! [17, т. 3, с. 85–86].

Высокий стиль описания ухода оскорбленного в благородных порывах человека отражает веру Фомы Опискина в собственное праведничество и предназначение русского мессии. Образ кредитных билетов, поправленных ногами «праведника» Фомы, — центр созданной им визуальной картины. Опискин стилизует свою речь под библейский стиль. Б.Н. Тихомиров отмечает в речи Фомы Опискина цитату о праведнике, стряхивающем с ног прах от нечестивого дома, которая восходит к десятой главе «Евангелия от Матфея» («А если кто не примет вас, и не послушает слов ваших; то, выходя из того дома или из города, отрясите прах от ног ваших» [Мф. 10: 14] / «И будьте уверены, что завтра же я отрясу прах с моих сапогов на пороге этого дома» [17, т. 3, с. 8], [3, т. 2, с. 200–201]). Подчеркнем, что исследователь выделил первоисточник библейской цитаты, который дополняют и с которым корреспондируют в отмеченном контексте еще две реминисценции из священной книги. Первая восходит к пророку Иезекиилю:

Путь праведника труден, ибо препятствуют ему себялюбивые и тираны из злых людей [Иез. 25: 17].

«Самолюбивым» приживальщик называет несколько раз и полковника [17, т. 3, с. 89]. Вторая из книги Исаий важна в смысловом контексте — путь праведника по праху низвергнутого Богом могущественного города:

Уповайте на Господа вовеки, ибо Господь Бог есть твердыня вечная. Он ниспроверг живших на высоте, высоко стоявший город; поверг его, поверг на землю, бросил его в прах. Нога попирает его, ноги бедного, стопы нищих. Путь праведника прям... (Ис. 26: 4-7).

Однако даже на словах герой не именуется кредитные билеты по-библейски прахом. Дополнительный комментарий обнаруживает антитезу тем действиям, которые провозглашает герой («пройду», «нога растопчет, загрязнит, раздавит» / «разбросал», «не разорвал и не оплевал», «немного помял»):

Фома разбросал всю пачку денег по комнате. Замечательно, что он не разорвал и не оплевал ни одного **билета**, как похвалялся сделать; он только немного помял их, но и то довольно осторожно [17, т. 3, с. 84].

Семантика *билета* в сцене попытки полковника откупиться деньгами от Фомы Опискина построена на контрастах, нагружается дополнительными смыслами. Фома трактует денежные билеты как средство оценить и купить его душу. Рассыпанные на дороге кредитные прямоугольные билеты — знаки ограниченного материального мира. А вот «путь», «большая дорога» — это безграничность Божественного миропорядка, отвергающего узость и локальность. И хотя эта смысловая нагрузка во многом затемнена мистификацией Фомы Опискина, однако даже сатирическая экспрессивная окраска позволяет писателю воплотить многоплановый философский смысл, который просвечивает за смеховой реальностью. В романе «Село Степанчиково и его обитатели» образ кредитного билета несет дополнительные коннотации, выступая как амбивалентный образ возвышенного, пафосного, красноречивого, перерастающего в контекстный комизм. В «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевский не употребляет слово *билет* (1 раз в комментариях к тексту). А вот в произведениях 1862–1866 гг. лексема *билет* использована 25 раз («Скверный анекдот» — 1 раз производное субъективно-оценочное *билетик*, «Крокодил» — (3), «Игрок» — (22)). Как уже отмечалось, в рассказе «Крокодил» слово в его контекстуальном значении усиливает ироническую экспрессию. С одной стороны, смех вызывает непомерная завышенность требований прагматичного немца, а с другой, благоразумная осмотрительность Ивана Матвеича:

Жив и здоров, — отвечал Иван Матвеич, — и благодаря всевышнего проглочен без всякого повреждения. Беспокоюсь же единственно о том, как взглянет на сей эпизод начальство; ибо, получив **билет** за границу, угодил в крокодила, что даже и неостроумно... [17, т. 5, с. 185].

Очевидно, слово *билет* к 1866 году стало частотным для словаря Ф.М. Достоевского. Так, в романе «Игрок» оно используется 22 раза, что и определено замыслом произведения о выигрышах в рулетку и Рулетенбурге. Наряду с *билетом* автор употребляет в тексте слова той же семантической сферы: *франки, золотые монеты, деньги, выигрыши, банк, ставка, фридрихсдор, гульдены* и т. д. В этом произведении *билет* употребляется как синоним денежных знаков и отражает бытование жизненных реалий, обозначенных семей «деньги». Метафорические оттенки (уже не столько авторские, сколько узуальные) заметны у Достоевского в романе «Игрок» в таких сочетаниях как «банковские билеты, нараставшие кучею передо мной», «огромная груда билетов», «куча банковских билетов» и др. [17, т. 5, с. 294–296]. В романе «Преступление и наказание» количество употреблений слова *билет* в тексте увеличивается по сравнению с «Игроком»: 31 раз и 7 раз производное субъективно-оценочное *билетик*. Преобладающая семантика — денежный знак и документ, заменяющий паспорт у проституток (желтый билет). Кроме уже отмеченного (*билет* — табличка на входной двери с указанием проживающего лица) Ф.М. Достоевский употребляет слово и в значении «документ на право выезда за границу»:

Авдотья Романовна, успокойтесь! Знайте, что у него есть друзья. Мы его спасем, выручим. Хотите, я увезу его за границу? У меня есть деньги; я в три дня достану билет. А насчет того, что он убил, то он еще наделает много добрых дел, так что все это загладится; успокойтесь. Великим человеком еще может быть [17, т. 6, с. 379].

Необходимо отметить и метафоричность в употреблении слова (в составе устойчивого сочетания *желтый билет* — в знач. «документ, заменяющий паспорт у проституток») во фразе отца Сони Мармеладовой в «Преступлении и наказании»: «Когда единородная дочь моя в первый раз по **желтому билету** пошла, и я тоже тогда пошел...» [17, т. 6, с. 14]. Сочетание *пойти по желтому билету* применительно к чиновнику Мармеладову метафорически означает не только вынужденное нравственное падение, вызванное нуждой и нищетой, но и сознательное собственное умаление нравственным самоистязанием, презрением от других, страданием как искуплением жертвы Сони ради семьи. В рукописных редакциях к «Преступлению и наказанию» (т. 7) слово *билет* употребляется Ф.М. Достоевским 15 раз и 9 в комментариях). Из редакций понятно, что, когда Соня впервые «пошла по **желтому билету**», Мармеладов также ходил унижаться к «старцу» с «лакированными» и «вычищенными сапогами» («я сапоги сего старца целовал») [17, т. 7, с. 102]. В окончательной редакции упоминание в этом монологе «старца» с «лакированными» и «вычищенными сапогами» отсутствует, что и актуализирует метафоричность слов героя. Фраза «и я тоже тогда пошел» за счет недоговоренности создает аллюзивную метафору: Мармеладов экспрессивно проводит параллель между собственной жизнью и жизнью дочери по желтому билету.

Роман «Бесы» содержит 15 упоминаний билета. Впервые в творчестве Ф.М. Достоевский связал *билет* с идеей власти над человеком административного «ничтожества», кассира, продающего проездные документы, корреспондирующей с мотивом подчинения человека:

...поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь **дрянных билетов** на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдете взять **билет**. . . «Дай-ка, дескать, я покажу над тобою мою власть...». И это в них до административного восторга доходит... [17, т. 10, с. 47–48].

Наиболее частотно в тексте «Бесов» упоминается *билет* на благотворительный «бал гувернанток» — 11 раз. Билеты на него пользуются ажиотажным спросом, подогревая общественное мнение и создавая провокационную ситуацию, с «почти нелепыми событиями и с страшною “развязкой” наутро» [17, т. 10, с. 385]. В романе «Бесы» *билет* олицетворяет силу непредвиденных, ажиотажных, хаотических действий, погружающих Россию в хаос революции и безверия. Символично последнее употребление билета в романе. Степан Трофимович Верховенский хочет купить «Евангелие» и просит книгоношу разменять денежные билеты; через несобственно-прямую речь передается, что «он не читал Евангелия по крайней мере лет тридцать» [17, т. 10, с. 486]. Цифра, обозначающая «код Иуды», напрямую соотносится с одним из главных героев и другими «бесами» произведения, расставляя окончательные авторские акценты. Частотность использования Ф.М. Достоевским *билета* в окончательной редакции «Бесов» позволяет сделать вывод об особом концептуальном смысле, который писатель вкладывал в этот образ.

В романе «Подросток» лексема входит в гипероним «деньги», что наиболее частотно для творчества Ф.М. Достоевского. По ходу повествования образ билета — один из художественных кодов, идентифицирующих мотив скупого:

Несколько лет назад я прочел в газетах, что на Волге, на одном из пароходов, умер один нищий, ходивший в отрепье, просивший милостыню, всем там известный. У него, по смерти его, нашли зашитыми в его рубище до трех тысяч **кредитными билетами** [17, т. 13, с. 66].

Важно отметить, что эпизод из романа, изображающий накопление кредитных билетов нищим, становится импульсом к развитию идеи Ротшильда, сформулированной, наподобие пушкинского Германна, Аркадием Долгоруким: «упорство и непрерывность» («Отсюда прямо два вывода: первый — упорство в накоплении, даже копеечными суммами, впоследствии дает громадные результаты (время тут ничего не значит), и второй — что самая нехитрая форма наживания, но лишь непрерывная, обеспечена в успехе математически» [17, т. 13, с. 66–67]).

В 16-м томе приводятся различные лексико-семантические варианты слова *билет*: выигрышный *билет* (2 раза), *билет* на поезд (2 раза: в вагон, у кассы), *билет* как компрометирующий документ (письмо). Для Ф.М. Достоевского, очевидно, *билет* выступает как сюжетная линия, усугубляющая хаос в романе, неслучайно этот черновой набросок назван «Беспорядок»: «При всех этих сценах, **билетах** и изнасиловании, ОН не знает ничего о романе Лизы» [17, т. 16, с. 130]. Правомерен вопрос: почему в окончательной редакции Ф.М. Достоевский отказался от всех этих наработок с билетом? Из черновиков и вариантов «Подростка» понятно, что у писателя уже откристаллизовался замысел романа «Братья Карамазовы». Не останавливаясь на всех его перипетиях, отметим только наметившуюся связь с возвращенным Богу билетом. Фед(ор) Фед(орови)ч «непосредственно становится любителем детей и христианином» [17, т. 16, с. 15]. Спор двух братьев, «ОН — атеист и не верует воскресенью, а Фед(ор) Фед(орови)ч уверовал в смысл коммунизма» [17, т. 16, с. 15]. И, конечно, отказ от несправедливого мира:

И ты спокоен! — восклицает ОН. — Не то что роптать и бунтовать, а проклясть. Если мир так идет, что подлое дело должно очутиться на месте светлого, то пусть все провалится: я не принимаю такого мира, — говорит ОН [17, т. 16, с. 15].

Цитаты приведены из варианта, озаглавленного «Задача: вмешивать ли детей?» [17, т. 16, с. 14]. И необходимо отметить, что все эти первоначальные идеи, реализованные позже в «Братьях Карамазовых», предваряет ситуация с билетом:

Федор Федор(ови)ч выигрывает **билет**, но признает его чужим, ибо купил у чиновника... NB! Дело в том, что товарищ, которому он отдал выигрыш **билета**, ни копейкой не поделился с ним. Фед(ор) Федорович (по обыкновению) не находит этого ни хорошим, ни дурным и принимает как факт. «В нынешнем обществе и не может быть других явлений и других людей» [17, т. 16, с. 14].

Выигрышный билет в набросках выступает как лакмусовая бумажка, определяющая небратское состояние мира и мотивирующая отказ от него. Очевидно, концептуальность *билета* уже осознавалась писателем, и он в «Братьях Карамазовых» реализовал весь заложенный в нем онтологический и философско-этический потенциал. Формула «возвращенного Богу билета» обретала все большую значимость в произведениях Достоевского. При всей сатирической заостренности сцены «хождения» Фомы Опискина по кредитным билетам в ней уже заложена образ-формула возвращенного билета, отсылающего к «Братьям Карамазовым». В последнем романе Ф.М. Достоевского мотив возвращенного Богу билета, воплощенный в другой художественной модальности, обретает высокое философско-трагическое, метафизическо-онтологическое звучание. Так, в романах обнаруживаются как совпадения (топтанье билетов / отказ от билета, благородство (хотя и имитируемое) / честность), так и различия

в отказе от билетов (гордость, презрительность / почтительность, адресат: полковник / Бог). В «Братьях Карамазовых» формула возвращения билета Богу реализуется как неприятие гармонии, установленной насильем над человеком и, особенно, добытой ценой детской слезинки.

В идиоглоссарии одно только это словоупотребление (из романа «Братья Карамазовы») отмечено как тропеическое, что, конечно, неоправданно сужает представление о метафоричности языка Достоевского. Однако следует признать, что именно этот силлогизм дал современникам и потомкам мощный импульс для нового, метафорически-философского осмысления общеупотребительного, и, казалось бы, априорно лишённого какой-либо метафоричности слова (ассоциативно связанного с обыденной сферой, в том числе с деньгами) — в самом известном высказывании Ивана Карамазова о символически возвращенном им Богу билете:

Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотмщенными. Лучше уж я останусь при неотмщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, *хотя бы я был и неправ*. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой **билет** на вход спешу вернуть обратно. И если только я честный человек, то обязан вернуть его как можно заранее. Это и делаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только **билет** ему почтительнейше возвращаю [17, т. 14, с. 223].

Ф.М. Достоевский гениально соединил в емкой формуле, казалось бы, несоединимое: Бога и *билет* как амбивалентный символический образ реальности и право на существование в ней. Иван Карамазов, синтезировав в афоризме два полюса: принятие Творца и отказ от созданного Им мира, развил идею о широте русского человека. При этом герой нередко выражает совершенно противоположные точки зрения. «У Достоевского однозначные слова зачастую неоднозначны: в одной ситуации герой — атеист, в другой — деист, в третьей — Фома», — точно обозначил это противоречие В.Н. Захаров [5, с. 15]. Таким образом, карамазовская формула отразила двойственность русского менталитета в представлении Достоевского, его противоречивость, совмещающую идеал Содомы и идеал Мадонны. Силлогизм героя занимает срединное положение между этими двумя крайними точками, амбивалентно обозначая одновременно веру, принятие и отказ. Для Ф.М. Достоевского важно, что это бунт «почтительнейший», который предполагает в будущем как возможность признания Христа, так и оголтелый атеизм русского человека. Рукописные редакции романа «Братья Карамазовы» показывают, насколько непросто было Ф.М. Достоевскому выбрать художественное решение — объединить в одной формуле «низкое» и «высокое»: *билет* и Бога. В редакции вместо Творца упоминалась «гармония» и, как вариант, «вечная гармония»:

Не могу я допустить, чтоб эта будущая гармония стоила того, чем она куплена. А если и стоит того, то не хочу допускать, мне деток жальче, и я прошу меня от гармонии заранее уволить, возвращаю **билет** назад [17, т. 15, с. 228];

Пусть непонятное нам возмещение вечной гармонии. Аллилуйя. Согласился ли быть таким архитектором здания? Вот почему я мира не принимаю. Я говорил только про детей, пусть я клоп по уму, но если я честный клоп, то не должен согласиться из любви к человечеству, не должен. Возвращаю **билет** на вход — как слишком дорого стоит [17, т. 15, с. 229].

В письме М.Н. Каткову от 9–11 декабря 1879 г. писатель еще раз обратится к силлогизму возвращенного Богу билета:

Инквизитор. (Иван холоден). Такие **концепции**, как **билет обратно** и Великий Инквизитор, пахнут эпилепсией, мучительными ночами. — А, скажут, сами сознались, что эпилепсией. Да коли такие люди есть, то как же их не описывать? Да разве их мало, оглянитесь кругом, господа, эти взрывы — да вы после этого ничего не понимаете в современной действительности и не хотите понимать, а это уже хуже всего [17, т. 30, кн. 1, с. 250–251].

«Билет обратно» (возвращение билета Богу) в эпистолярной соединится с образом Великого Инквизитора. В таком сочетании двух образов Ф.М. Достоевским акцентирована идея отказа от будущей гармонии, достигнутой ценой слезинки ребенка, если отказ провоцирует переустройство реальности по человеческому пониманию справедливости («эти взрывы»). Писатель высказывает сомнение, что *homo sapiens* сможет улучшить Божественное творение, превзойти истинного Творца. Всего же в романе «Братья Карамазовы» слово *билет* употреблено 9 раз (5 раз денежные билеты, 2 раза билеты на суд, и 2 раза возвращенный Богу билет), в рукописных редакциях — 4 раза и в комментариях к 15-му тому — 6 раз.

В статьях и заметках 1845–1861 гг. кроме традиционного («кредитный билет»), отметим и единичный случай употребления в этом томе производного субъективно-оценочного *билетик* в значении «бумага с надписью на картине о ее продаже» («К тому же еще на картине, весьма скоро после начала выставки, явился **билетик** с надписью: *продана*» [17, т. 19, с. 151]). При этом слово билетик употребляется Ф.М. Достоевским в тех же значениях, что и производящее *билет*.

Чаще всего Ф.М. Достоевский использует слово *билет* в статье «История о. Нила», описывающей имитацию кражи у монаха «двух билетов банкового пятипроцентного и 1-го внутреннего займа» (присяжные из-за открывшихся разоблачительных деталей в отношении о. Нила оправдали обвиняемую) [17, т. 21, с. 148]. В фельетоне *билет* употреблен 10 раз, символизируя денежные отношения, проникшие даже в монастырь, как «скверну», «дурное положение», плотские, материальные в противовес духовному, распространяющиеся в русском обществе, подобно болезни. «Маленькие картинки (в дороге)» расширяют тезаурусную область употребления слова *билет* Ф.М. Достоевским. Рассуждения, что без кондуктора, «даже с билетом на руках», трудно найти сразу свое место в вагоне, перетекают в обобщающий вывод о необходимости «руководителя» в России: «У нас же без кондуктора и вообще без руководителя трудно обойтись и найти себе свое место сразу, даже где бы то ни было, не только в вагонах, а даже и в вагонах с **билетом** в руках» [17, т. 21, с. 159–160]. Данное высказывание примыкает к рассуждению Ф.М. Достоевского об административном «ничтожестве», кассире, продающем билеты и чувствующем «административный восторг» от власти над покупателями. Билет для писателя оказывается лишь первым звеном бюрократической цепочки: покупатель — администратор, продающий билет, — билет, распорядитель (кондуктор) — руководитель. В «Дневнике писателя. 1876» (22 том) слово *билет* употреблено 5 раз (в черновиках — 8, в комментариях — 2). Описывая приемы речи популярного в то время адвоката Спасовича, писатель воспроизводит «приключения» слова *билет* в его высказываниях. «Прелюбодей мысли» «жонглирует» значениями, которые воспроизводятся Достоевским с ироническими коннотациями, в результате языковых ухищрений адвокат подводит извращенную логику к цепочке рассуждений: ягодка чернослива — банковый билет:

Я не знаю, господа, можно ли равнодушно относиться к таким поступкам дочери? Говорят: «За что же? Разве можно так строго взыскивать за несколько штук черносливу, сахару?» Я полагаю, что от черносливы до сахара, от сахара до денег, от денег до **банковых билетов** путь прямой, открытая дорога! [17, т. 22, с. 70].

Ф.М. Достоевский пародирует выводы г-на Спасовича, продолжая углублять гиперболический прием и доводя речь адвоката до абсурда:

А вы нам наставили, что ей уже недалеко до **банковых билетов**, и кричите, что «это угрожает государству!» Разве можно, разве позволительно после этого допустить мысль, что за такую шалость *справедливо и оправдываемо* такое дранье, которому подверглась эта девочка? Но она и не шарила в деньгах, она их не брала вовсе. Она только пошарила в сундуке, где лежали деньги, и сломала вязальный крючок, а больше ничего не взяла. Да и незачем ей денег, помилуйте: убежать с ними в Америку, что ли, или снять концессию на железную дорогу? Ведь говорите же вы про **банковые билеты**: «от сахара недалеко до **банковых билетов**», почему же останавливаться перед концессиями?» [17, т. 22, с. 71].

В книге 12 романа «Братья Карамазовы» в сцене суда действует адвокат Фетюкович, прототипом которого, по наблюдениям исследователей, стал г-н Спасович (о нем писал Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г., февраль, глава вторая) [17, т. 22, с. 50–73]. Может быть, все «ловкие» сравнения защитника (чернослив / кредитные билеты) и обусловили упоминание о продаже билетов на суд над Дмитрием Карамазовым:

Все **билеты** были расхвачаны. Для особенно почетных и знатных посетителей из мужчин отведены были даже совсем уже необыкновенные места сзади стола...;

Одних только съехавшихся отовсюду юристов оказалось так много, что даже не знали уж, где их и поместить, так как все **билеты** давно уже были розданы, выпрошены и вымолены [17, т. 15, с. 90].

Билеты на суд, вызвавшие такой ажиотаж, по семантике противоположны возвращенному билету Ивана Карамазова. Это, наоборот, билеты, приобретенные на право входа в реальность (в данном, частном случае, суд), справедливая она или нет, главное для присутствующих зрелищность, подобная театральной («На их лицах читалось истерическое, жадное, болезненное почти любопытство» [17, т. 15, с. 90]).

Отметим похожесть эпизода в романе «Бесы» («ничтожество», кассир, продающий **билеты** и смотрящий Юпитером на покупателей) и «Дневнике писателя» («мелкая букашка» из тех, которые дают «справки, принимают от вас деньги и выдают билеты» и проявляющая «мелочное юпитерство»: «грубость, невнимательность, пренебрежение, враждебность к публике, потому только, что она публика» [17, т. 23, с. 75]). В «Записной тетради 1876–1877 гг.» писателем 2 раза использовано слово *билетник*, в комментарии 2 раза даются пояснения к этому слову (т. 24).

Обращает на себя внимание особое значение производного *билетик*: удобная форма гранок из типографии, позволяющая автору не «чинить фразу», а «переделывать вовсе»:

За той формой, которая Вам посылается, просидел я не отрываясь пять часов. Статью о иезуитах следовало бы всю переписать. Трудность и мешкотность в том, что приходится чинить фразу, а не переделывать вовсе; да тут же нужно соблюдать выгоду типографии и не вымарать всего. Поправишь, да еще не щегольски поправишь, а просидишь четверть часа над двумя строчками. **Билетик** же можно будет зачеркивать как угодно [17, т. 28, кн. 1, с. 141].

Еще один семантический оттенок проявляется у лексемы в сочетании *билеты на лечебный сеанс* (под колоколом):

Я был у Симонова и взял **билетов** на неделю, сеанс от 3 до 5 часов. Это такое почти невозможное время, самые деловые часы! И вместо того, чтоб дело делать, я должен сидеть под колоколом [17, т. 29, кн. 2, с. 8].

Отметим, что бюрократические проволочки, связанные с билетами, начинают раздражать Ф.М. Достоевского, так как отнимают его время от творчества:

Предстоит только очень много хлопот и разных чиновничьих церемоний: являться в Думу, выхлопатывать **билеты**, где стоять и сидеть в празднестве, и проч. [17, т. 30, кн. 1, с. 171].

Таким образом, к концу жизни Ф.М. Достоевского слово *билет* расширяет количество вариаций использованных писателем значений и, как следствие, семантическое поле, обретая ментально значимый статус в его идиолекте и — во многом с подачи гениального автора, выразителя принципов духовной жизни русского народа — прецедентность в русском языке. Расширение спектра семантических оттенков привело к тому, что в творчестве Ф.М. Достоевского увеличилось количество составных наименований со словом *билет*. Лексема *билет* обретает дополнительные экспрессивно-семантические оттенки. Усиливается метафоричность, символическое, метафизическое, онтологическое, философское звучание. Роман «Братья Карамазовы» окончательно закрепляет за идиоглоссой *билет* специфику отражения ментальности русского человека. Дальнейшие цитирования силлогизма Ф.М. Достоевского В. Розановым, Н. Гумилевым, Н. Бердяевым, З. Гиппиус, М. Цветаевой, И. Шмелевым, И. Ильиным, В. Высоцким, В. Маканиным, Ф. Горенштейном и др. несомненно навсегда решили вопрос о культурно-исторической значимости высказывания Ивана Карамазова о возвращенном Богу билете.

Список литературы

Исследования

- 1 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т. 1: А–З. 723 с.
- 2 *Дягилева И.Б.* Лексема билет в составных наименованиях (на материале русского языка XIX века) // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. научн. тр. Вологда: Изд-во Вологодского гос. педагог. ун-та, 2008. Ч. 1. С. 162–167.
- 3 Евангелие Ф.М. Достоевского. В 3 т. Тобольск: Изд-во Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2017. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию; Сибирская тетрадь Достоевского / В.Н. Захаров, В.Ф. Молчанов, Б.Н. Тихомиров, В.П. Владимирцев. 1084 с.
- 4 *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, 2006. Т. 1: А–Л. 1165 с.
- 5 *Захаров В.Н.* Об Иване Карамазове, библейском Люцифере и райских слушниках // *Ляху В.С.* Люциферов бунт Ивана Карамазова. Судьба героя в зеркале библейских аллюзий. 2-е изд., испр. и доп. М.: ББИ, 2018. 320 с.
- 6 *Караулов Ю.Н.* От редактора // Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008. С. IX–X.
- 7 *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. 944 с.

- 8 Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграф ресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. 702 с.
- 9 Словарь русского языка XVIII века / гл. ред.: Ю.С. Сорокин; ред.: Е.Э. Биржакова, Л.Л. Кутина; сост.: А.А. Алексеев, О.Е. Березина, Е.Э. Биржакова и др. Л.: Наука, 1985. Вып. 2: (Безпристрастный – Вейэр). 247 с.
- 10 Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 т. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1847. Т. 1. 416 с.
- 11 Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А-В / гл. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008. 964 с.
- 12 Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд, доп. М: Азбуковник, 2000. Т. I: А–Ж. 976 с.
- 13 *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки рус. культуры, 1997. 824 с.
- 14 Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ГИСЭ, 1935. Т. 1. 828 с.
- 15 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Б.А. Ларина; пер. с нем. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 1: (А–Д). 576 с.
- 16 *Федосюк Ю.А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта; Наука; 2004. 264 с.

Источники

- 17 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 2. Повести и рассказы: 1848–1859. 527 с. Л.: Наука, 1972. Т. 3. Село Степанчиково и его обитатели. Униженные и оскорбленные. 543 с. Л.: Наука, 1973. Т. 5. Повести и рассказы. 1862–1866. Игрок. Роман. 407 с. Л.: Наука, 1973. Т. 6. Преступление и наказание. Роман в 6 ч. с эпилогом. 423 с. Л.: Наука, 1973. Т. 7. Преступление и наказание. Рукописные редакции. 416 с. Л.: Наука, 1973. Т. 8. Идиот. Роман. 511 с. Л.: Наука, 1974. Т. 10. Бесы. Роман. 518 с. Л.: Наука, 1975. Т. 13. Подросток. Роман. 454 с. Л.: Наука, 1976. Т. 14. Братья Карамазовы. Кн. 1–10. 510 с. Л.: Наука, 1976. Т. 15. Братья Карамазовы. Кн. 11–12. Эпилог. Рукописные редакции. 623 с. Л.: Наука, 1976. Т. 16. Подросток. Рукописные редакции. 438 с. Ленинград: Наука, 1979. Т. 19: Статьи и заметки 1861. 359 с. Л.: Наука, 1980. Т. 21. Дневник писателя 1873. Статьи и заметки 1873–1878. 551 с. Л.: Наука, 1981. Т. 22. Дневник писателя за 1876 год, январь–апрель. 407 с. Л.: Наука, 1981. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год, май–октябрь. 423 с. Л.: Наука, 1985. Т. 28, кн. 1. Письма 1832–1859. 551 с. Л.: Наука, 1986. Т. 29, кн. 1. Письма 1869–1874. 573 с. Л.: Наука, 1986. Т. 29, кн. 2. Письма. 1875–1877. 374 с. Л.: Наука, 1988. Т. 30, кн. 1. Письма 1878–1881. 455 с.
- 18 *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 19 т. (т. 17 и 18 — дополнительные). Т. 19 (информационно-справочный). М.: Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»; Известия, 1995. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. 483 с. М.: Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»; Известия, 1995. Т. 9, кн. 1. История Пугачева. 483 с.

© 2025. **Andrey V. Sharavin**
Bryansk, Russia

© 2025. **Oleg E. Voronichev**
Bryansk, Russia

© 2025. **Irina L. Startseva**
Bryansk, Russia

EVOLUTION OF THE IDIOGLOSS “TICKET” IN THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY

Abstract: The paper considers possible causes and circumstances of the evolution of the idiom “ticket” in the 2nd half of the 19th century and acquiring a mentally significant and epoch-making status for it. Arguments are made in favour of the fact that the main role in this process was played by the widespread use of the word by F.M. Dostoevsky, whose works provide some classical examples of the artistic use of the word ‘ticket’ in different variants of its lexical compatibility and push the boundaries of the usual semantic field of this lexeme. Logical and historical-cultural arguments are given to support the hypothesis put forward, which are based on the analysis of excerpts of the writer’s works, diaries and letters, as well as the materials of the entry “ticket” in the “Dostoevsky’s Language Dictionary. Idiom glossary” edited by Yu.N. Karaulov. At the same time, the main attention is focused on Dostoevsky’s metaphorical use of the semantic variants of the lexeme ticket which played a major role in raising the level of general linguistic importance of the idiom.

Keywords: Idiom, Lexical Meaning, Semantics, Returned Ticket, Culture, Metaphor, Symbolism, Mentality, F.M. Dostoevsky.

Information about the authors:

Andrey V. Sharavin — DSc in Philology, Associate Professor, Professor, Department of Russian, Foreign Literature and Mass Communication, Petrovsky Bryansk State University, Bezhitskaya St., 14, 241036 Bryansk, Russian.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1282-4229>

E-mail: ekllier@mail.ru

Oleg E. Voronichev — DSc in Philology, Associate Professor, Professor, Department Methodology of Primary Education and Pedagogical Management, Petrovsky Bryansk State University, Bezhitskaya St., 14, 241036 Bryansk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7983-9025>

E-mail: voonid@mail.ru

Information about authors:

Irina L. Startseva — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor, Department of Russian, Foreign Literature and Mass Communication, Petrovsky Bryansk State University, Bezhitskaya St., 14, 241036 Bryansk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-7376-8769>

E-mail: kafedra338@mail.ru

Received: March 12, 2024

Approved after reviewing: December 17, 2024

Date of publication: March 25, 2025

For citation: Sharavin, A.V., Voronichev, O.E., Startseva, I.L. “Evolution of the Idiogloss ‘Ticket’ in the Works of F.M. Dostoevsky.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 75, 2025, pp. 156–173. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-156-173>

References

- 1 Dal', V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 Vols.], vol. 1: A–Z. Moscow, Izd-e knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa Publ., 1880. 723 p. (In Russ.)
- 2 Diagleva, I.B. “Leksema bilet v sostavnykh naimenovaniakh (na materiale russkogo iazyka XIX veka)” [“Lexeme Ticket in Compound Names (Based on the Material of the Russian Language of the 19th Century)”]. *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi: sbornik nauchnykh trudov* [Word and Text in the Cultural Consciousness of the Epoch: Collection of Scientific Papers], part 1. Vologda, Vologda State Pedagogical University Publ., 2008, pp. 162–167. (In Russ.)
- 3 *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 t.* [The Gospel of F.M. Dostoevsky: in 3 vols.], vol. 2: Issledovaniia. Materialy k kommentariiu; Sibirskaiia tetrad' Dostoevskogo [Research. Materials for the Commentary; Dostoevsky's Siberian Notebook], V.N. Zakharov, V.F. Molchanov, B.N. Tikhomirov, V.P. Vladimirtsev. Tobolsk, Public Charitable Foundation “Rebirth of Tobolsk” Publ., 2017. 1084 p. (In Russ.)
- 4 Efremova, T.F. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo iazyka: v 3 t.* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 3 Vols.], vol. 1: A–L. Moscow, AST Publ., 2006. 1165 p. (In Russ.)
- 5 Zakharov, V.N. “Ob Ivane Karamazove, bibleiskom Liutsifere i raiskikh oslushnikakh” [“About Ivan Karamazov, the Biblical Lucifer and the Paradise Disobedient”]. Liakhu, V.S. *Liutsiferov bunt Ivana Karamazova. Sud'ba geroia v zerkale bibleiskikh alliuzii* [Luciferic Revolt of Ivan Karamazov. The Fate of the Protagonist in the Mirror of Biblical Allusions], 2nd ed., corr. and rev. Moscow, BBI Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)
- 6 Karaulov, Iu.N. “Ot redaktora” [“From the Editor”]. *Slovar' iazyka Dostoevskogo. Idioglossarii. A–V* [Dostoevsky's Dictionary of the Language. Idioglossary. A–V], ex. ed. Corresponding Member RAS Yu.N. Karaulov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008, pp. IX–X. (In Russ.)
- 7 Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language], 2nd ed., rev. Moscow, OOO “ITI Technologies” Publ., 2003. 944 p. (In Russ.)
- 8 *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 Vols.], vol. 1: A–Y, ed. A.P. Evgenieva, 2nd ed., stereotype. Moscow, Russkii iazyk Publ.; Poligraf resursy Publ., 1999. 702 p. (In Russ.)
- 9 *Slovar' russkogo iazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century], issue 2: (Impartial – Weyer), ex. ed. Yu.S. Sorokin. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 247 p. (In Russ.)
- 10 *Slovar' tserkovno-slavianskogo i russkogo iazyka, sostavlennyi vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk: v 4 t.* [Dictionary of the Church Slavonic and Russian Languages, Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences:

- in 4 vols.*], vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1847. 416 p. (In Russ.)
- 11 *Slovar' iazyka Dostoevskogo. Idioglossarii. A-V* [*Dictionary of the Language. Idioglossary. A-V*], ex. ed. Corresponding Member RAS Yu.N. Karaulov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 964 p. (In Russ.)
- 12 *Slovar' iazyka Pushkina, v 4 t.* [*Dictionary of Pushkin's Language: in 4 vols.*], vol. I: A–Zh, ed. Academician of the USSR Academy of Sciences V.V. Vinogradov, 2nd ed., rev. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. 976 p. (In Russ.)
- 13 Stepanov, Iu.S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury: Opyt issledovaniia* [*Constants: Dictionary of Russian Culture: Research Experience*]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 824 p. (In Russ.)
- 14 *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [*Eplanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.*], vol. 1, ed. D.N. Ushakov. Moscow, GISE Publ., 1935. 828 p. (In Russ.)
- 15 Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [*Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.*], vol. 1: (A–D), ed. by B.A. Larin, 2nd ed., stereotype. Moscow, Progress Publ., 1986. 576 p. (In Russ.)
- 16 Fedosiuk, Iu.A. *Chto neponiatno u klassikov, ili Entsiklopediia russkogo byta XIX veka* [*What is Unclear among the Classics, or the Encyclopedia of Russian Life of the 19th Century*]. Moscow, Flint Publ., Nauka Publ., 2004. 264 p. (In Russ.)